

Софи Акноф

МОСКОВСКИЕ французы

в 1812 году

Софи Аскиноф

**Московские французы в
1812 году. От московского
пожара до Березины**

Издательство «Кучково поле»

Аскиноф С.

Московские французы в 1812 году. От московского пожара до Березины / С. Аскиноф — Издательство «Кучково поле»,

ISBN 978-5-9950-0252-9

Книга профессора Сорбонны Софи Аскиноф посвящена малоизученной теме: жизни и деятельности французской колонии Москвы накануне и во время Отечественной войны 1812 года. Кто были эти люди по своему происхождению, каким занятиям посвятили себя в российской столице, как оказались в ней? Как они встретили войну между Францией и Россией, какими были их отношения с российским правительством и французскими оккупационными властями, как пережили и всем ли удалось пережить "грозу 1812 года"? Ответы на эти и многие другие вопросы дает книга "Московские французы в 1812 году", выпуск которой приурочен к 200-летию юбилею войны 1812 года. Книга выходит одновременно во Франции и в России.

ISBN 978-5-9950-0252-9

© Аскиноф С.

© Издательство «Кучково поле»

Содержание

Введение	6
Глава 1	11
Город-перекресток	12
Прежде всего – торговый город	15
Присутствие многочисленных иностранцев	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Софи Аскиноф

Московские французы в 1812 году.

От московского пожара до Березины

Сестрам Марии и Режине. Отцам Венцеславу, Адриену и Эдуарду из московской общины ассумпционистов¹.

Спасибо за ваш прием, спасибо за то, что вы обеспечиваете французское присутствие в Москве, несмотря на все превратности истории.

Дорогие читатели!

События 1812 года и Русской кампании Наполеона продолжают вызывать огромный интерес у публики. К 200-летию этой великой эпопеи уже вышло достаточно много изданий. Но книга, которую Вы держите в руках, крайне необычна, даже уникальна для своего жанра. Она основана на письменных свидетельствах французов, которые проживали непосредственно в Москве во время наполеоновского нашествия. Эти достоверные свидетельства ранее не издавались, и они придают книге Софи Аскиноф характер живого исторического повествования. С членами французской общины Москвы – священником французского прихода, аристократом-эмигрантом и двумя артистами театра – Вы погрузитесь в самое сердце драмы, разыгравшейся памятной для обоих наших народов осенью 1812-го.

Их рассказы о том, что они видели, что пережили, не оставят Вас равнодушными и позволят лучше узнать и понять события великого и грозного 1812 года.

Александр Орлов

Введение

*1812 год начинался с дурных предзнаменований; Опасались страшной войны, победа в которой казалась сомнительной...
«Мемуары» госпожи Нарышкиной, дочери губернатора Москвы, генерала Ростопчина.*

Кто, вспоминая сегодня 1812 год, не хранит в памяти эту драматическую картину наполеоновской эпопеи: объятая пламенем Москва, измученная голодная армия, храбро борющаяся с суровой русской зимой вплоть до страшной ноябрьской катастрофы на Березине? А ведь в начале этого года казалось, для Наполеона нет ничего невозможного. Но Русская кампания, оказавшаяся такой тяжелой и мучительной для верных солдат его Великой армии, явилась поворотным моментом и в личной судьбе императора, и в судьбах всего европейского континента. Поражение, унижение и катастрофа ожидали человека, который до сих пор видел лишь победы и славу. Наполеон оказался вынужден склониться перед реальностью. Весть о гибели его армии в России, очень быстро достигнув европейских столиц, пробудила и усилила волю народов к сопротивлению, что в конце концов привело наполеоновскую империю к краху. Таким образом, 1812 год явился ключевым моментом новой истории.

Сегодня наши представления о событиях тех грозных лет подкреплены большим количеством дипломатических и военных документов, сохранившихся в архивах, письмами и многочисленными свидетельствами офицеров и, наконец, страницами прекрасных произведений французской и зарубежной литературы. За прошедшие десятилетия страдания солдат не раз вдохновляли писателей и художников Франции и России, создавших понемногу легенду о Великой армии. Будь то Шатобриан, Гюго, Понсон де Террайль, Толстой или Пушкин – все они написали прекрасные произведения, поэтические и полные реализма. Стендаль, служивший в ведомстве генерал-интенданта Матье Дюма, быстро занял пост главного директора продовольственного снабжения резерва и стал свидетелем пожара Москвы и отступления наполеоновской армии, описав увиденное в своих письмах². Все эти писатели оставили потомкам драматические образы 1812 года, пропитанные кровью и порохом. В наши дни эстафету приняли такие авторы, как Клод Мансерон, Кантен Дебре и Патрик Рамбо³, в свою очередь зачарованные наполеоновским мифом. В нем они черпали свое вдохновение и находили героев, достойных этого имени. Их исторические романы о Русской кампании получили признание многочисленных читателей.

Все эти писатели опирались, в первую очередь, на воспоминания солдат Великой армии. Конечно, не у всех солдат хватило мужества или таланта описать Русскую кампанию. Но по возвращении они много рассказывали о ней, придавая, таким образом, плоть и кровь наполеоновской легенде. Офицеры, со своей стороны, брались за перо, чтобы поведать правду, объяснить свои действия и описать пережитые события, чтобы снять завесу тайны с Русской кампании и развенчать ее или наоборот выставить в выгодном свете. Эти многочисленные рассказы стали фрагментами, дополняющими картину Большой истории. Некоторые из этих свидетельств публиковались многократно, как, например, воспоминания сержанта Бургоня, гренадера-велика Императорской гвардии, или Эжена Лабома, полковника Генерального штаба, офицера картографической службы⁴. Другие, хотя и менее известные, такие как воспоминания Генриха Рооса, старшего врача в вюртембергском кавалерийском полку, или маркиза Ж. де Шамбре, полковника артиллерии, также внесли свой вклад в общую историческую копилку. Все эти рассказы вместе создают основу для размышлений историка, так как являются прямыми свидетельствами очевидцев – воинов, непосредственно участвовавших в событиях. Эти истории дополняют бюллетени Великой армии – официальную версию военных событий, кото-

рые представляют собой великолепный образец имперской пропаганды. Всё это в целом сопровождается дипломатической перепиской посла сардинского короля в Санкт-Петербурге Ж. де Местра.

Русские, со своей стороны, дополнили историю Русской кампании своими свидетельствами. Первое из них, вне всяких сомнений, принадлежит знаменитому генералу Ростопчину (1765–1826), министру царя Павла I, губернатору Москвы в 1812 году, считающемуся непосредственным организатором пожара города. Хотя сам он категорически отрицал свою ответственность, даже сегодня в общественном мнении он остается человеком, отдавшим приказ уничтожить Москву. В своей книге «Правда о пожаре» (*La vérité sur l'incendie*), опубликованной в Париже в 1823 году, он очень четко изложил свою позицию, хотя позднее он отказался от своих слов. Во всяком случае, полемика по этому вопросу долго наполняла хронику франко-русских отношений, провоцируя резкие выпады с обеих сторон⁵ и вредя дружбе между нашими народами. Очень скоро популярность во Франции графини де Сегюр, дочери Ростопчина, поспособствовала тому, что страсти несколько улеглись. Но все равно это не стерло из памяти образ губернатора, человека пылкого, исполненного гнева и пугающего своей ненавистью к Наполеону и французам. Разве не этот человек осмелился выступить против Наполеона от имени всего русского народа, стоявшего за его спиной, и унизить своего врага, отдав ему Москву, покинутую ее жителями?

Накануне 1812 года Москва была богатым густонаселенным городом, гордящимся своей историей и динамичным развитием. В этом космополитическом городе, стоящем на перекрестке Европы и Азии, проживали многочисленные иностранцы. Русские и представители разных национальностей бок о бок трудились, умножая его процветание. Современники с восхищением и удивлением отмечали это. Особенно многочисленны и активны в Москве были французы. Артисты, ученые и деловые люди – их насчитывалось от тысячи до трех тысяч в городе с населением примерно 300 000 жителей. Приехавшие в Москву по делам, спасающиеся от Французской революции или просто желающие сделать карьеру, в 1812 году они оказались в самом центре беспрецедентной драмы. Неожиданно обрушившиеся на них страдания сравнимы лишь с самим событием, а их история неотделима от истории Великой армии. Но поскольку члены этой французской колонии находились далеко от родной страны, Франция не придавала большого значения трагедии своих соотечественников. Их история осталась в тени Истории, среди тех семейных преданий, которые рассказывают разве что своим детям и внукам. Постепенно, по мере того как проходили годы, раны заживали, воспоминания о личных трагедиях теряли свою остроту, а потомки, что неудивительно, старались о них забыть. Многое стерлось из памяти навсегда... подобно оставшимся на чужбине могилам, постепенно зарастающим травой.

К счастью, несколько московских французов нашли силы и время записать свои воспоминания, изложить, по примеру наполеоновских солдат, на бумаге свои приключения в 1812 году. Эти свидетельства – другой взгляд, взгляд гражданских людей на события того времени, отличающийся от ставшего столь привычным для нас традиционного взгляда на историю. Эти французы описывали события такими, какими их видели, какими переживали их вдали от родины. С ними мы оказываемся в самом центре повседневной реальности. Они вспоминали происходящее не как политики или военные стратеги, а как обыкновенные граждане, обосновавшиеся в Москве много лет назад и жившие той же жизнью, что и коренные москвичи. И их свидетельства гораздо лучше позволяют понять, что же было поставлено на карту в начале XIX века. Они подчеркивают стратегическую важность французского присутствия в Москве в 1812 году, присутствия, которое стало ключевым фактором как наполеоновской, так и царской политики в этот период войны.

Действительно, не случайно то, что многие члены французской колонии в Москве были взяты российскими властями в заложники, когда наполеоновская армия стояла у ворот города,

а затем были высланы вплоть до Сибири. И столь же не случайно, что других французов наполеоновские власти склонили к сотрудничеству, чтобы они помогали французской администрации, организованной в городе после пожара и бегства московских властей. Хотя и помимо своей воли, члены французской колонии сыграли важную политическую роль в 1812 году, не понимая до конца ни значения, ни последствий своих действий. Их рассказы и их допросы – читай: обвинения – являются важнейшими элементами, необходимыми для понимания этой страницы истории франко-русских отношений.

Но эта роль, сыгранная французской колонией в Москве в 1812 году, сегодня очень мало известна широкой публике. Несколько рассказов, которыми мы располагаем, опубликованные незначительными тиражами и совершенно не изученные историками, мирно покоятся в библиотеках Франции и России. Кто их читал? Кто их распространял? Кто задумывался над страданиями и страхами, которые пережили московские французы в дни военных испытаний? Один из них, театральный деятель Арман Домерг, осужденный без вины на 26-месячное изгнание и заключение, через несколько лет после своего возвращения во Францию писал с обреченностью: «История нашего изгнания – лишь ничтожно малая часть общей истории, это рамка, служащая для обрамления картины»⁶. Конечно, человек осознавал, что его история, его личная драма – не более чем эпизод великой исторической драмы. Но, едва вернувшись на родину, он пожелал оставить свое свидетельство, рассказать о пережитом, хорошо понимая, что его перо однажды высохнет так же, как и слезы его потомков. Кто сегодня помнит историю Армана Домерга?

Рассказ этого человека объединен нами с рассказами еще нескольких французов, оказавшихся вдали от родины и ставших жертвами обстоятельств. Оценить драму, пережитую французской колонией в Москве, нам помогают четыре свидетельства: священника, двух театральных актеров и одного аристократа, занимавшегося торговыми делами⁷.

Первый свидетель – кюре московского прихода Святого Людовика (Сен-Луи де-франсэ) аббат Адриен Сюррюг (1744–1812). Его рассказ заслуживает доверия. «Это лицо духовного звания, бывшее очевидцем почти всех событий, о которых рассказывает, поскольку он оставался в Москве, имеет большой авторитет», – сказал один современник. Он позволял делать копии своего рассказа многим людям; в нашем распоряжении была одна из них, когда его опубликовали в издании, озаглавленном «Трофеи французских армий».

С тех пор как граф Ростопчин издал свою брошюру, в качестве ответа на нее часто печатали заметки аббата Сюррюга в форме его писем к преподобному отцу Буве. Эти письма действительно могли быть написаны; «насколько мне известно, аббат Сюррюг включал в письма, адресованные многим его друзьям, фрагменты своих заметок»⁸. Существует предположение, что французский священник, умерший в декабре 1812 года, то есть вскоре после московского пожара, будто бы перед смертью отдал губернатору Москвы копию своего текста, которая спустя несколько лет была использована для подтверждения слов Ростопчина, стремившегося снять выдвигавшиеся против него обвинения в поджоге. Публикация писем аббата Сюррюга в 1823 году, тогда же, когда был издан и рассказ Ростопчина, явно не случайна. Как бы то ни было, свидетельство французского аббата является важным документом, а сам он – человеком, заслуживающим доверия. Автор издания 1823 года писал в качестве предупреждения: «Рассказ аббата Сюррюга отличается своей простотой, прекрасным слогом и уважением к исторической правде; он достоин всяческих похвал. Это документ для будущего».

Второй свидетель – мадам Луиза Фюзий (1771–1848), известная актриса, служившая в 1812 году в труппе Императорского театра в Москве. Эта достойная женщина вместе со своей семьей жила в этом большом городе на протяжении нескольких лет, в промежутках между гастроллями, которые заставляли ее странствовать чуть ли не по всей Европе. В 1817 году гос-

пожа Фюзий опубликовала рассказ о пожаре и отступлении французов из России. Это один из самых волнующих рассказов, посвященных данной теме, появившийся в Лондоне под намеренно патетическим названием «Московский пожар, или Маленькая сирота из Вильны». Затем она дополнила его своими «Воспоминаниями актрисы», изданными в 1841 году и повествующими о ее карьере и личной жизни. И тот, и другой документы показывают нам чувствительную и страстную женщину, любящую писать: «С тех пор как я стала замечать происходящее вокруг меня, когда я оказывалась в обстоятельствах, выходящих за рамки обыденности, я приобрела привычку заносить в своего рода дневник вещи, поразившие меня сильнее всего. Привычку эту я сохранила в моих путешествиях по чужим странам, а особенно, в России, где я описывала события при свете московского пожара, не зная, дойдут ли когда-нибудь эти подробности до моей семьи...» И через несколько строчек она добавляет: «Во мне рано проявилась наблюдательность». Мы можем быть только благодарны ей за это.

Третий важный свидетель со стороны находившихся в 1812 году в Москве французов – некто Франсуа-Жозеф д'Изарн (1763–1840), дворянин, эмигрировавший во время Французской революции. Обосновавшись в Москве, он вложил свое состояние и свою энергию в торговлю сельскохозяйственными продуктами. Будучи жертвой пожара и ярким противником Наполеона (во всяком случае, в течение некоторого времени), он тоже решил оставить свой рассказ о пережитых событиях. Но его свидетельство было опубликовано много позднее, в 1871 году, благодаря усилиям другого московского француза – А. Гадарюэля. «Господин д'Изарн был мирным и тихим человеком, – уточнял этот последний в предисловии, – излив гнев против Наполеона в своем сочинении, он, очевидно, показал его некоторым лицам, но потом спрятал; кроме того, публиковать в России рассказ о недавно произошедших там событиях, о которых знало столько людей, было бесполезно и во всяком случае неосторожно, даже если бы он и мог это сделать...»⁹ Действительно, Ф.-Ж. д'Изарн, решивший остаться в Москве после 1812 года, в то время как большинство его соотечественников вернулось во Францию, предпочел молчать. Он не хотел лишать себя возможности восстановить свое былое положение в деловом мире и, очевидно, полагался на время, которое должно было смягчить его ненависть к Наполеону. Он умер в 1840 году, а написанный им текст остался неопубликованным и никому не известным.

Четвертый и последний свидетель событий 1812 года из числа живших в Москве французов – уже упомянутый нами Арман Домерг, чье настоящее имя Луи-Антуан. Он родился 7 ноября 1781 года в Осэре, в Бургундии, от второго брака. Его сводная сестра Аврора была старше почти на двадцать лет, она родилась в Монпелье в 1762 году и первая выбрала для себя артистическую карьеру. Певица и актриса, она вплоть до Французской революции была членом Королевской музыкальной академии. В начале XIX века судьба привела Армана и Аврору в Москву. «Поскольку я много лет был главным режиссером Французского императорского театра в Москве, – уточнял Арман в начале своего рассказа, – мне было легче, чем кому бы то ни было другому, наблюдать за обычаями и нравами еще мало известной страны. Действительно, по своему положению я находился в точности посередине между дворянством и народом, в равной степени близкий и тому, и другому, и уж если я что-то видел, то я это действительно видел»¹⁰. И артист со множеством деталей поведал о испытаниях, выпавших на его долю и особенно мучительных потому, что сам он на много месяцев попал в Сибирь¹. Свое объемное сочинение (более 800 страниц), опубликованное в Париже в 1835 году, он посвятил «своим товарищам по нужде», своим «братьям по несчастью». Даже спустя много лет горечь от пережитого не прошла. «Мои воспоминания диктуются не ненавистью, – уточнял он, – а простым желанием рассказать правду тем, кто ступит на мой путь артиста, уехавшего на чужбину». Воодушевляемый жаждой справедливости, А. Домерг постарался просто и с максимально воз-

¹ Автор ошибается, Нижний Новгород находится не в Сибири (*прим. ред.*).

можной точностью изложить факты, повествуя от имени пострадавшей части человечества, чьей душой и выразителем чувств он являлся.

Рассказы этих четырех свидетелей, соединенные вместе, дополняют источники, уже давно используемые исследователями. Мы можем добавить к ним отрывки еще нескольких рассказов, оставленных супругой А. Домерга и Ж. Лекуэнтон де Лаво, секретарем Императорского общества натуралистов Москвы, и других французов, более или менее словоохотливых. Комплекс этих свидетельств позволяет нам сегодня реконструировать историю Русской кампании.

Сейчас, когда мы отмечаем двухсотлетие войны 1812 года, нам захотелось вывести из забвения свидетельства этих французских граждан. Нам показалось важным рассказать историю французской колонии в Москве. Эти мужчины и женщины, обосновавшиеся там, далеко от родины, по-своему участвовали в наполеоновской авантюре. Мы слишком часто забывали о них. Нам хотелось, чтобы их истории составили основу книги, совсем не для того чтобы реабилитировать их, а просто за тем, чтобы они заняли принадлежащее им по праву место. Это рассказ о 1812 году, рассказ о французской колонии, унесенной вихрем истории, о Наполеоне, о Франции и Европе в целом. Это их история, это «рамка, служащая для обрамления картины», но рамка крайне необходимая, которую так интересно изучать.

Глава 1

Москва – привлекательное место для иностранцев

Этот город не похож ни на один другой в Европе... русский город в подлинном смысле этого слова, тогда как Петербург может рассматриваться лишь как европейская колония, как столица, похожая на все прочие...

Фортиа де Пилес.

Путешествие двух французов... в России в 1790–1792 годах. М., 1796.

Когда иностранные путешественники впервые открывают для себя Москву, они испытывают шок, часто очень сильный: шок при виде огромного, истинно русского, чтобы не сказать восточного, города, шок при виде странного города, расцвечиваемого и сверкающего тысячей колоколен, выделяющихся на фоне молочного неба над «третьим Римом». Когда проходит первое ослепление, соприкосновение с реалиями московской жизни бывает порой очень непростое, так как образ жизни здесь сильно отличается от привычного в Западной Европе или даже в Санкт-Петербурге. Москва – гораздо более русский город, чем город, основанный Петром Великим, но также и более космополитичный, поскольку, расположенный на перекрестке дорог, живет во многом торговлей. Это его благоприятное расположение, кстати, стало одной из причин, по которой с конца XVIII века в нем поселилось много французов, пускай даже они и страдали там от чувства потерянности в непривычной для них обстановке.

Город-перекресток

Город, основанный, согласно легенде, в 1147 году суздальским князем Юрием Долгоруким, был расположен в стратегически важном месте, благоприятном для его развития. Благодаря системе рек, служивших путями сообщения, он действительно находился на перекрестке дорог, соединявших его с политическими и торговыми центрами Древней Руси (Новгородом, Киевом, Владимиром, Смоленском)¹¹. Притоки реки Москвы защищали город с юга и запада, служа ему естественной оборонительной линией. С двух других сторон с самого основания города были воздвигнуты рукотворные укрепления, заключившие его в полукруг. Бескрайние леса и болота, простирающиеся за рекой на юге от города, служили ему естественной защитой. Однако развитие города шло медленно, так как Москва неоднократно становилась жертвой набегов татар, которые уничтожали все на своем пути. С XIV века городу удалось немного «передохнуть», расшириться и похорошеть благодаря активной деятельности московских князей, поднимавших статус столицы своего княжества. Отныне уже не Киев, а Москва становилась политическим центром России.

В царствование Ивана Даниловича (1326–1340) Москва превратилась и в религиозный центр, переняв эту роль у Владимира. В 1326 году здесь началось строительство Успенского собора, резиденции митрополита. В 1329 году митрополит Феогност «окончательно устанавливает кафедру митрополита всея Руси в Москве, которая, вследствие этого, становится религиозным центром всей страны», уточнял историк В. В. Назаревский¹². В великолепном Успенском соборе проходили бракосочетания и коронации царей. Внутри города множились церкви и монастыри. Число церквей часто определяли в «сорок сороков». Все свидетельства единодушны: в конце XVIII века на территории Москвы было около 1500 церквей¹³. В них хранились священные реликвии и иконы, были захоронены останки знатных и благочестивых людей (святого Алексея, первого митрополита Петра, царей и членов их семей), что привлекало великое множество паломников. Монастыри были столь же многочисленны. Обычно обнесенные крепостной стеной, они свидетельствовали о страхе монахов перед татарами, которых привлекали монастырские богатства, считавшиеся очень значительными. В 1783 году французский путешественник г-н Леклерк назвал впечатляющие цифры, кажущиеся все же несколько преувеличенными: 159 мужских монастырей и 67 женских, в которых жили 4200 православных священнослужителей, в том числе 2677 монахов и 1299 монахинь¹⁴. Какой бы ни была точная цифра, Москва действительно была «священным городом», и этот свой статус она хранит на протяжении многих веков.

Москва развивалась четырьмя концентрическими кольцами, в центре которых всегда находилось историческое ядро города, знаменитая крепость – Кремль.

Кремль изначально являлся символом верховной власти. На его территории располагались царский дворец, возводить который начали в 1499 году, органы управления (министерства, или «приказы», с 1680 года), колокольня Ивана Великого, построенная Борисом Годуновым, церкви (Успения Богородицы, Преображенский монастырь и другие), два монастыря, Патриарший дворец и Арсенал, чье строительство началось в 1702 году, в царствование Петра Великого. Также там находились многочисленные покои бояр – крупных и уважаемых русских аристократов, равно как и богатых купцов. Таким образом Кремль одновременно являлся жилой и административной зоной, но при этом оставался роскошным и живописным местом. Второй район Москвы – Китай-город – был основан в 1534 году. Это по преимуществу экономический центр города, расположенный рядом с политическим центром – Кремлем и Красной

площадь. Слово «китай», татарское по происхождению, означает «середина»². Там сосредоточены магазины и рынки, иначе «базары», называемые порой «китайскими». Третий район, если считать от центра, назывался Белый город, потому что был окружен белой стеной из известняка, построенной в 1586 году³. Там находились, в частности, мастерская, где отливали пушки, императорская аптека и университет (1755). Четвертый район именовался Земляной город, он был окружен деревянными укреплениями, сооруженными в 1592–1593 годах, сразу после набега крымских татар. На его территории были расположены полицейское управление, уголовный суд, императорские конюшни, артиллерийские казармы, провиантские склады, хлебопекарни, Воспитательный дом (приют для подкидышей), а также мануфактуры. Все эти постройки занимали много места.

Московский Кремль со стороны Китай-города. XVIII век

За этими концентрическими кварталами раскинулись многочисленные слободы – городские предместья (на конец XVIII века их насчитывалось до тридцати), самое крупное из которых – Немецкая слобода на берегу Яузы. Слободы были населены бедным, даже нищим людом, а также иностранцами, в них обосновывались рабочие и вновь приехавшие. Самой бедной слободой считалась Ямская. У ворот Москвы находились многочисленные мануфактуры: стекольные, бумажные, литейные, шелковые и суконные. Наконец, на крайней периферии города располагались парки, излюбленные места прогулок москвичей, такие, например, как Воробьевы горы, поросшие березами, высаженными там Петром Великим. В феврале 1716 года некий Ф. К. Вебер, бывший в Москве проездом, писал о городе: «Положение его одно из самых приятных, каковые только могут быть, и иностранцы, проживающие в нем, много хвалят красоту и разнообразие мест для прогулок, кои дают в летнюю пору аллеи, прорубленные в лесах и садах, загородные дома, усадьбы и фермы»¹⁵. Даже в ближайших предместьях москвичи обу-

² Толкование терминов и описание города оставлено в полном соответствии с авторским текстом (*прим. ред.*).

³ Постройку стены относят к 1585–1591 годам (*прим. ред.*).

строили места для гуляний, посещаемые во всякое время года. Зимой обычным средством передвижения являлись сани. «В эти дни принято, – говорил француз Фортиа де Пиль, путешествовавший по Восточной Европе в конце XVIII века, – кататься в карете или на санях в Немецкую слободу, что напомнило нам наш старый Лоншан. Такая прогулка дает иностранцу, даже в сравнении со всем, что он здесь видит, очень пикантный контраст; самый богатый, самый элегантный экипаж оказывается рядом с грязной и жалкой упряжкой»¹⁶. Обычай ездить в Немецкую слободу возник в царствование Петра Великого, в начале XVIII века; царь, как известно, любил там бывать. Скоро она стала излюбленным местом прогулок, для чего использовались лесные дороги возле Сокольнической заставы. Летом москвичи использовали кареты или нанимаемые за небольшую цену открытые коляски. «Русские, – свидетельствовал еще один француз, П. Н. Шантро, накануне Французской революции, – очень любят зелень и прогулки по полям в теплое время года. Все в Москве ездят в экипажах, на каждом шагу встречаешь запряженные шестеркой лошадей кареты, в которых представители дворянства обычно ездят по городу»¹⁷.

Внутри города каждый из кварталов был довольно плотно заселен. Многие дома и церкви строились из дерева, по модели традиционных крестьянских изб. Другие же были каменными, очень красивыми. Оба типа построек соседствовали друг с другом. Как замечал Фортиа де Пиль: «Очень сильный контраст являют стоящие на одной и той же улице сорок-пятьдесят дрянных деревянных хижин, олицетворяющих самую жуткую нищету, а среди них – огромный дворец, построенный из кирпича, изысканный по своей архитектуре, говорящий о большом богатстве»¹⁸. Ж.-М. Шопен говорил то же самое: «До французского вторжения в Москве стояло несколько прекрасных особняков; но большинство домов было деревянными; пустыри, встречавшиеся во многих кварталах, делали эту древнюю столицу похожей на скопище разных деревень»¹⁹. Использование свечей, теснота и узость улиц увеличивали в этом густонаселенном городе риск возникновения пожаров и быстрого распространения огня. Опасность эта была постоянной. Все имеющиеся источники говорят о существовании страхов на сей счет. «В городе этом часто случались пожары, – писал по этому поводу Ф.-К. Вебер в 1716 году, – оставившие большие пустоты во многих местах... В Москве насчитывают около трех тысяч каменных домов, очень крепких и в большинстве своем великолепных. Этого было бы достаточно, чтобы сделать город красивым, если бы они были расположены регулярно и в порядке; но они разбросаны среди множества деревянных домов, а кроме того, фасады их не выходят на улицу, но скрыты большими дворами и обнесены высокими заборами, возведенными для защиты от воров и пожаров»²⁰. Помимо пожаров население боялось эпидемий чумы. Почти совершенно исчезнувшая в XVIII веке во Франции (последняя крупная вспышка произошла в Марселе в 1720 году), она продолжала свирепствовать в Восточной Европе, часто заносимая туда из Турции. Так, в 1771 году, когда Россия вела борьбу с Османской империей за контроль над Черным морем, Москва пережила страшную эпидемию. Подобные эпидемии на некоторое время парализовывали экономическую жизнь города и окрестностей, от нее умирало множество людей. Но это не мешало городу развиваться, привлекать богатство и население.

Прежде всего – торговый город

Силу и репутацию городу создавал его статус торгового и ремесленного центра, обретенный им еще в XIV веке. Действительно, именно с того времени Москва специализировалась на производстве изделий из металлов. «Умение московских мастеров, делающих доспехи, известно вплоть до Азии, – писал историк К. Грюнвальд, – хроники и грамоты часто обозначают их словом «бронники», иначе говоря, производители кирас и кольчуг. В XV веке целые районы, расположенные за чертой города, назывались «Бронными»²¹. Другие рабочие специализировались на изготовлении драгоценностей или литье колоколов и пушек. С 1479 года в Москве существовала специальная мастерская, занимающаяся литьем бронзовых пушек. Что же касается колоколов, спрос на них в городе, где церкви столь многочисленны, был очень велик. И сегодня одной из московских достопримечательностей является Царь-колокол, расколовшийся прежде, чем был установлен на колокольню. Некоторые мастера, оружейники и ювелиры, весьма быстро наживали крупное состояние и предлагали свои услуги в качестве кредиторов знати и великим князьям. Эта возможность быстро разбогатеть привлекала в Москву пришедшее население – как русских, так и иностранцев. Скоро к хорошо развитому ремеслу по обработке металлов добавились другие виды ремесел и торговли: производство текстиля, обработка древесины, выделка меха и т. д. Процветало кожевенное производство, завоевавшее высоким качеством своей продукции широкую известность в Европе. В город поступали ценные меха из северных областей – района Белого моря и Урала; здесь их тут же перепродавали. Накануне Французской революции француз Шантро констатировал: «Главнейшим предметом московской торговли являются пушнина и меха; они одни занимают многие улицы»²².

Наряду с продажей ремесленных товаров, город жил и торговлей сельскохозяйственной продукцией. «Окрестности доставляют все необходимое для жизни, – писал путешественник Ф.-К. Вебер в 1725 году, – и всевозможные продукты крайне дешевы в городе, равно как и дома; так что в Москве можно прожить на половину суммы, потребной для того в Петербурге, где все крайне дорого. Это изобилие лишь увеличивается с тех пор, как двор перебрался в Петербург. [...] Здесь в большом количестве имеются скот, дичь, зерно и плоды. Время от времени из земли самоедов, через Архангельск, привозят оленину; мясо это похоже на мясо ланей и считается у московитов деликатесом; что же касается рыбы, она продается очень дорого из-за многочисленных постов, которые очень часты, и из-за большого числа жителей.»²³ Конечно, суровый климат России ограничивает возможности производства зерновых. Тем не менее Фотиа де Пиль в конце XVIII века отмечал: «Москва расположена в центре плодородной и густонаселенной равнины; хотя она находится на четыре градуса южнее Петербурга, морозы здесь почти такие же сильные; но страна плодородная, она производит все то, что производили бы и окрестности Петербурга, не будь они болотистыми»²⁴. Иными словами, Москва имеет значительные преимущества в плане ведения сельского хозяйства, которые способствуют развитию ее торговли, позволяя превратить город в настоящий рынок.

Однако выгодное географическое положение и высокая плотность населения Москвы – не единственные объяснения ее коммерческого успеха. Большую роль в этом сыграло присутствие в ней деловой аристократии, иначе говоря, элиты общества, вкладывающей средства в торговлю. Отсутствие в России XVIII века, в отличие Западной Европы, настоящей буржуазии побуждало часть русской аристократии проявить интерес к экономике, промышленности и торговле. Если Санкт-Петербург представлял как город в первую очередь административный и культурный, привлекая к себе интеллектуалов и людей искусства, а также несколько паразитическую аристократию, Москва, со своей стороны, соблазняла разного рода деловых людей. В ней нравилось жить разбогатевшим благодаря займам аристократам. Они много тратили и

одновременно одалживали средства, привлекая новых инвесторов и коммерсантов. Так они вносили большой вклад в процветание и развитие города. Кроме того, многие попавшие в немилость дворяне, лишившиеся должностей при дворе в Санкт-Петербурге, любили селиться в Москве и жить в свое удовольствие, в роскоши, наслаждаясь спокойствием. Они строили здесь прекрасные дворцы, они любили ходить в театры и клубы, такие как Английский клуб, расположившийся в доме князя Гагарина, а также прогуливаться по бульварам. Тверской бульвар, созданный в 1796 году, быстро стал излюбленным местом прогулок аристократии. Оказавшиеся проездом в Москве иностранцы удивлялись этому. «Количество дворян, проживающих в Москве, просто невероятно, – говорил Фортия де Пиль. – В этом городе можно прожить много лет, но так и не увидеть всех его домов. Русские дворяне, которых в Петербурге много меньше, держатся при дворе или отправляют различные должности, не позволяющие им удалиться от него; так вот, когда они становятся свободными, они обосновываются в Москве, избавившись от давления двора, где присутствие монарха не позволяет им жить с размахом, приличествующим их состоянию. Действительно, в Петербурге нет ни одного из тех поражающих азиатской роскошью колоссов, множество которых мы видели в Москве и которые позволяют себе представить образ жизни восточных сатрапов»²⁵. То же самое сказал Стендаль, когда открыл для себя в 1812 году этот город, куда пришел солдатом наполеоновской армии. В письме от 16 октября, адресованном графу П. Дарю, он писал: «Как Вы знаете, в Москве было четыреста или пятьсот дворцов, обустроенных с неизвестной в Париже очаровательной негой, какую встретишь только в счастливой Италии... Здесь жили восемьсот или тысяча человек, имевших от пяти до полутора тысяч ливров ренты. Что делать с такими деньгами? У этих бедняг не было иных целей, кроме поиска удовольствий»²⁶. Конечно, в словах и того, и другого есть некоторая доля преувеличения, но они, во всяком случае, позволяют увидеть особенности Москвы. Москва – город контрастов, в плане как пейзажей, так и населения.

Москва XIX век

Торговля велась в течение всего года, но особенно активно – зимой. В это время население увеличивалось, торговля кипела преимущественно в эту пору, лето же в большей степени было посвящено пополнению запасов. Фортия де Пиль констатировал: «Население Москвы

составляет от трехсот до трехсот двадцати тысяч душ летом, но зимой возрастает до четырехсот тысяч. Такая разница проистекает от того, что дворяне проводят лето в своих поместьях и забирают с собой туда много народу; кроме того, крупные сделки и большие закупки совершаются до окончания Карнавала, и иностранцы пользуются тем, что санный путь еще сохраняется, чтобы вернуться домой после того, как провели в городе почти всю зиму. Расстояния здесь не имеют значения: человек, проехавший сто или пятьдесят лье, чтобы купить сукна, полотна и т. п. (потому что в московских магазинах их закупают даже и для самых отдаленных областей), совершенно серьезно говорит вам, что он живет поблизости и что он возвращается домой, примерно так же, как жители Мелена или Понтуаза ездят в Париж и возвращаются к себе. Но все пропорционально; и хотя сто пятьдесят лье – это все-таки сто пятьдесят лье, люди незаметно привыкают к огромным расстояниям, разделяющим крупные города России»²⁷.

В самой Москве подлинным экономическим центром был Китай-город. Там находился знаменитый Гостиный двор, то есть двор купеческий, возникший в XVII веке (1660–1665). Большой прямоугольник, защищенный каменными стенами с четырьмя сторожевыми башнями на углах, он являл собой комплекс складов, лавок и магазинов, сгруппированных по специализации. Француз П.-Н. Шантро насчитал там шесть тысяч лавок²⁸. На большой площади вне стен группировались восточные купцы: армяне, греки, индийцы, татары и персы, продававшие специи, драгоценные камни и ковры. Гостиный двор, полный продавцов, покупателей и скоморохов, был похож на никогда не заканчивающуюся ярмарку. Сразу вспоминались базары в арабских странах или в Стамбуле. На французского путешественника Фортиа де Пиля произвела сильное впечатление толпа: «Движение в Москве очень значительное, – говорил он, – особенно в торговом квартале. Толпа там невероятная, а толчея постоянна: там встречаешь людей всех рангов и из всех стран; они толкаются, задевают друг друга, не обращая на это ни малейшего внимания. Даже первые дамы города не брезгают приходить сюда за простейшими покупками: это очень приятная цель для прогулки, когда не боишься толпы, и тем более посещаемая, что другой такой мы в городе не знаем»²⁹.

Определенно, небольшие лавочки, продающие продукты и ремесленные товары, заметно оживляли обстановку, и число их все больше увеличивалось в сердце динамичного города. Аристократия, богатая и активная, без колебаний инвестировала в дело свои деньги и свои связи. Иностранцы, в первую очередь, приехавшие с Востока, находили здесь свое место и надеялись разбогатеть. Москва предстает космополитичным городом, в котором смешивались знать и простонародье, бедняки и разбогатевшие выскочки, москвичи и иностранцы.

Присутствие многочисленных иностранцев

Москва славилась своим гостеприимством к иностранцам любого происхождения. Конечно, одни национальные общины интегрировались лучше, чем другие; на католиков смотрели менее благосклонно. Но в целом, русские власти привлекали купцов определенными экономическими привилегиями, что не очень нравилось русским купцам. Эти последние без колебаний жаловались на такие милости, глубоко несправедливые на их взгляд. Например, иностранные негоцианты платили лишь четверть таможенных пошлин при экспорте и три четверти при импорте товаров. Англичане уже давно пользовались такими милостями – еще с первых коммерческих контактов, завязавшихся между двумя странами в XVI веке, и создания в 1555 году английской торговой компании. Но для царей экономические выгоды стояли на первом месте, и они не соглашались урезать привилегии иностранцев под давлением местных купцов. Екатерина II даже подумывала о том, чтобы распространить их и на другие нации, поскольку хотела расширить торговлю, прежде всего, средиземноморскую, через Черное море. В конце XVIII века для России большую важность приобрела дискуссия о свободе торговли, а также поиски новых торговых путей, которые должны были обогатить империю и, в первую очередь, Москву.

Иностранцы пользовались еще одной важной привилегией: правом продавать у себя на дому в розницу произведенные ими товары и тем самым составлять конкуренцию торговцам, обосновавшимся в Китай-городе. Действительно, указы от 28 июня и 8 июля 1782 года позволяли им открывать лавки за пределами центрального базара. Путешественник Фортиа де Пиль описывал это в следующих выражениях: «Известно, что во всех русских городах одним лишь иностранцам дозволяется торговать в розницу в своих домах; местные обязаны торговать в лавках; они сгруппированы в удобном месте...»³⁰, то есть в Китай-городе. Комплекс этих привилегий возбуждал аппетиты иностранных держав, желавших получить их в исключительное пользование, каждая для себя. С этой целью в 1779 году Франция начала с Россией торговые переговоры, рассчитывая ослабить давние и тесные узы, связывающие Российскую империю и Англию. Но шевалье де Корберон, французский дипломат при российском дворе, не верил в их успех, так как в сентябре 1780 года он заявил: «Россия придерживается принципа предоставления всем странам равных прав в коммерции и не завязывает никаких особенных связей ни с одной из них»³¹. Проект задуманного торгового договора провалился, во всяком случае, в этом году. Пришлось ждать декабря 1786 – января 1787 годов, чтобы такой договор появился на свет, благодаря, в числе прочего, переговорам, проведенным графом де Сегюром³².

В XVIII веке многие из иностранцев, обосновавшихся в Москве, были уроженцами северных стран (датчанами, немцами, голландцами, англичанами), специалистами в текстильном производстве, приобретшими за несколько веков большой опыт в этом деле. В Москве «производят почти такие же хорошие полотна, как в Голландии», говорил один современник-француз в своей работе о России, опубликованной в 1784 году³³. Английские купцы, со своей стороны, приобрели высокую репутацию в торговле высококачественными овощами, фруктами и цветами, которые они со вкусом и умением выращивали в своих садах. В 1716 году это приятно удивило путешественника Ф.-К. Вебера. «Здесь живут, – отметил он, – несколько английских купцов (кои чувствуют себя тут очень удобно), каковые с февраля месяца, и даже раньше, начинают продавать розы, левкой и вкусную спаржу, выращиваемые ими в их садах»³⁴. В «Энциклопедии» Дидро и Даламбера в 1765 году автор статьи «Москва» говорил практически то же самое³⁵. Также очень многочисленны были поляки, поскольку Польша входила в зону влияния, даже «заповедную охотничью зону» русских. В XVIII веке эти последние без колебаний аннексировали часть территории соседней Польши, которую поделили с Пруссией и Австрией.

Наконец, в Москве обитало огромное количество азиатов: китайцев, армян, турок – желанных гостей, благодаря привозимым ими тканям и пряностям. Всех этих иностранцев, за исключением православных греков, обычно называли «немцами», то есть «немыми», не знающими русского языка. В современном русском языке так называют жителей Германии.

Это сообщество иностранцев, обосновавшихся в Москве, располагало всем необходимым для того, чтобы разбогатеть. Некоторые без колебаний заявляли об этом во всеуслышание, по примеру французского дипломата, шевалье Корберона, который в своих суждениях зашел очень далеко. «Из этого следует то, – писал он в 1780 году, – что иностранцы смотрят на Россию как на дойную корову и остаются в ней, поскольку наживают там огромные состояния и живут в ней лучше, чем где бы то ни было еще; свидетель тому Бийо, который сказал мне, что за два или три года заработал десять тысяч рублей, имея начальный капитал в пятьдесят»³⁶. Конечно, не всем удавалось разбогатеть так, как этому бургундскому купцу, но миф о возможности скорого и легкого преуспевания в этой стране распространился крайне быстро. Россия становилась новым *эльдорадо*,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.